

1682 г., эта последняя государственная акция царя Федора Алексеевича, есть итог, симптом и катализатор социального брожения и неустройства, чьим уродливым порождением стал русский фаворитизм.

В наследство от предшественников Петр получил и «европеизацию», притом это было неоднородное и пестрое наследство. Оно создавалось усилиями двух поколений и «грекофилов» (Епифаний Славинецкий, Евфимий Чудовский), и «латинствующих» (Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев), и людей, которых трудно причислить к той или иной группировке. Кое-что в этом наследстве Петр сохранил и умножил. Таково, например, профессиональное секуляризованное искусство: элоквенция, силлабическая поэзия, музыка партесного стиля, театр (его Петру пришлось возродить, ибо он был упразднен при воцарении Федора, видимо в связи с удалением от власти и ссылкой боярина А. С. Матвеева, правительственного театрального мецената). Таков феномен профессиональной интеллигенции: к 1690-м гг. в Москве трудились десятки поэтов, живописцев, композиторов (среди последних — замечательно одаренный и плодовитый Василий Титов, положивший на ноты «Псалтырь рифмотворную» Симеона Полоцкого). Такова регулярная школа — Славяно-греко-латинская академия, которой предназначалась роль питомника литераторов и богословов. Такова (это крайне важно) идея разрыва с прошлым.

Действительно, распри «грекофилов» и «латинствующих» не должны заслонять их духовного родства — прежде всего поразительной легкости, с которой они презрели московскую традицию. Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий ощущали себя соперниками (и передали соперничество ученикам). Это была не просто борьба за то, кому возглавлять новую интеллигенцию и «просвещение», это было состязание двух ориентаций (греко- и латиноязычной) и двух интеллектуальных типов: Епифаний был келейным тружеником, а Симеон — общественным деятелем. Первый довольствовался филологическими занятиями, переводами, вообще «приращением знания», второй стремился контролировать культуру. Достаточно прочесть составленную им академическую «Привилегию» (хотя она опубликована в позднейшей и смягченной редакции), чтобы представить, насколько жестким и жестоким предусматривался этот контроль. Любое уклонение от православия, всякая хула на него «от чуждоземцов и русских людей при пиршестве или во ином каковом ни буди месте, при достооджных свидетелях» влекла за собой суд «блюстителя училищ с учителями»,⁷ — не суд, а инквизиционный трибунал, который мог послать за костер. Епифаний смел заступаться за павших (как он заступился за поверженного Никона), Симеон был всегда с теми, кто пребывал у кормила власти.

⁷ Древняя Российская вивлиофика <...> изданная Николаем Новиковым. 2-е изд. М., 1788. Ч. 6. С. 417.